

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ИММИГРАНТОВ

О.М. Краснорядцева (Томск), Т.Г. Ходжабагиянц (Торонто)

Аннотация. Предлагаются подходы к изучению типологических различий динамических характеристик ментального пространства иммигрантов в процессе вхождения в инокультуру. Рассматриваются механизмы формирования готовности к изменению образа жизни и образа мира.

Ключевые слова: ментальное пространство, динамические характеристики, готовность к изменению образа жизни и образа мира.

Иммиграция является феноменом социальным, но при этом таким феноменом, который имеет ярко выраженное психологическое содержание – как в плане мотивационных оснований, побуждающих человека сменить постоянное место жительства, так и в плане тех психологических коллизий, которые она вызывает. Если учесть, что иммиграция – это не просто смена ПМЖ, а погружение человека в новую для него среду, менталитет которой сформировался в рамках другой для него культуры (инокультуры), определив, в свою очередь, особенности индивидуальных ментальных пространств людей, среди которых далее будет продолжаться жизнь иммигранта, то становится понятно, насколько значимым является постижение природы тех психологических коллизий, которые, как правило, сопровождают иммиграцию. Ведь человек вывозит за рубеж не только собственный жизненный опыт, но вместе с ним и уникальный ментальный опыт, в котором сконцентрирована сложившаяся система ценностей, неосознаваемых поведенческих установок, стереотипов поведения, восприятия, мышления, опыт пережитого и образы будущего. Человек покидает пределы родной для него культуры, которая уже давно трансформировалась в содержание его образа мира, в способы построения этого образа, вывозя, таким образом, не только большее или меньшее количество материальных ценностей, но и собственное ментальное пространство. Оно опосредовало его мировосприятие и миропонимание, его поступки и всю систему деятельностей, совокупность которых определяла до сих пор его образ жизни. Вписывание индивидуального ментального пространства в пределы новой геополитической среды, имеющей и свою особую ментальность, отразившуюся в содержании индивидуальных ментальных пространств людей, которые родились и выросли в условиях этой исходной ментальности, и составляет проблему психологии эмиграции, которая стала центральной для нашего исследования.

Процесс трансформации культуры в образ мира человека, взаимосвязанный с формированием его образа жизни, в современном мире начинает представлять собой процесс трансформации несколько другой культуры, закладывающий и несколько другие образы мира, предполагающие и несколько дру-

гой образ жизни, чем это было еще пару десятилетий назад, поскольку современное развитие общества характеризуется значительными социально-экономическими и политическими изменениями, оказывающими воздействие на все фазы общественного воспроизводства, эволюцию структуры и инфраструктуры национальных и мирового рынков, на взаимоотношения между людьми и между государствами. Судя по литературным источникам, можно прогнозировать сближение ментальных пространств до сих пор весьма разнящихся геополитических сред. Анализ литературы показывает, что прогнозы, указывающие на сближение ментальности различных геополитических пространств, исходят из разных источников. Одни исследователи указывают на то, что формируется новая информационная культура, позволяющая говорить о «ментальной эволюции». Другие указывают на становление нового мировоззрения, в рамках которого уже обсуждаются проблемы так называемой «интегральной ментальности». Ряд весьма авторитетных авторов, таких как Роберт Райх, Питер Дракер, Мануэль Кастельс [5, 9, 10], полагают, что движущей силой современной экономики являются люди, чья главная способность состоит в использовании информации. Какие бы термины при этом не употреблялись, указывает Фрэнк Уэбстер, – «символические аналитики», «эксперты», «информационный труд», – общий смысл остается постоянным: сегодня главными двигателями экономики стали люди, чей труд требует создания и использования информации [8]. Поэтому можно сделать достаточно однозначный вывод: новое информационное общество нуждается в создании информационной культуры.

Иными словами, нет сомнения в том, что в самой социальной жизни современного общества, в социальных отношениях людей происходят существенные трансформации, которые еще подлежат научному осмыслению для выделения в них наиболее существенных тенденций. Одну из них выделяет М. Кастельс, полагая, что в информационном обществе, в социальных отношениях людей такого общества начинает формироваться пространство сетевых структур, динамика противоречий которых составляет саму суть того исторического процесса, на ос-

нове которого создается новая социальная структура, «кровь и плоть наших обществ» [5]. Некоторые авторы полагают возможным, в связи с этим, говорить о грозящей «ментальной эволюции», связанной с тем, что на стыке XX и XXI вв. качественно меняется предмет человеческого труда: им становится сознание человека [4]. Не все авторы видят в ментальной эволюции позитивное явление. По мнению Г.В. Задорожного и Я.Ю. Радченко, главная задача ментальной эволюции состоит в том, чтобы через влияние на сознание и подсознание человека посредством манипулятивных информационных метатехнологий изменить его психологию, менталитет, шкалу ценностей, превратить его в легко управляемое и послушное существо-средство [4]. Социальные последствия использования таких технологий сводятся к тому, что резко возрастает степень отчуждения человека от его существования, а вместе с тем и отчуждения человека от человека, происходит превращение человека в «обесчеловеченное существо». По мнению авторов, удар направлен против социализации, социальности, а в конечном итоге против человека и человечности. Г.Г. Дилигенский утверждает, что наблюдаемое в современных условиях расширение сети социальных связей индивида («протяженность социальных связей до пределов планеты») сопровождается дестабилизацией этих связей, распадом устойчивых человеческих общностей, нарастанием антиинституциональных и антинормативных тенденций, отказом от традиции в пользу свободного выбора индивидом между разными социальными образцами [3. С. 5]. В этих условиях, как утверждает автор, есть все предпосылки говорить о том, что кардинально меняется сам тип социализации. Нам такие опасения кажутся несколько преувеличенными: ментальные пространства людей не формируются вне выхода человека в культуру, а суверенизация человека есть необходимое условие прогресса и его следствие. Действительными можно считать опасности, обусловленные нашим незнанием того, что на деле представляет собой процесс становления ментальных пространств, опосредованных компьютером и наличием мировой информационной сети (интернет). Мы еще не привыкли к тому, что коммуникация порождающего типа (транскомуникация) может происходить под значительным влиянием «обезличенных» коммуникаций, хотя это не так уж отличается от способов формирования ментальных пространств сограждан с помощью СМИ – без прямого контакта с авторами текстов, произносимых по радио, или контактов с авторами и заказчиками текстов, озвучиваемых телевизором.

Представления об информационном обществе, сливаясь с постнеклассической идеологией, которая содержится в синергетике как междисциплинарном зна-

нии о самоорганизации, порождают представления об «интегральной ментальности». Современный мир понимается в призме экологической парадигмы культуры, которая находится в состоянии возникновения новой формы общества (Ф. Капра и др.). Она интерпретируется как кризис (или хаос), в котором на основе информационных технологий рождается единое культурное пространство. В широком плане, прогнозируется переход от социокультурной структуры, основанной на политической дифференциации в форме государственного суверенитета, к единой интегральной структуре, основы которой пока еще трудно предсказать. Ясно, что такой переход требует соответствующей ментальности, способной оказать влияние на становление интегративного взаимодействия (Т.А. Алексеева, Б.Г. Капустин, И.К. Пантин). Но откуда она возьмется, если сама ментальность является результатом вхождения человека в культуру, которая до сих пор остается локализованной в пределах границ, охраняемых государственными суверенитетами?

Наш ответ на этот вопрос заключается в том, что новая ментальность рождается в тех психологических коллизиях, которые сопровождают иммиграцию и эмиграцию. В ходе иммиграции идет не только подстройка индивидуальной ментальности к ментальности принимающей среды, но и межкультурный обмен.

Рассматривая ментальное пространство человека как психологический феномен, мы исследовали психологические коллизии и определяли средства психологической помощи людям, связанным с иммиграцией, т.е. с «вселением человека в чужую страну на постоянное жительство», как это обозначено в толковом словаре [7]. Нас интересовали именно те люди, которые покидали Россию, считая свой переезд изменением постоянного места жительства, и которые не изменили своего решения по истечении 4–8 лет пребывания в инокультуре, т.е. иммигранты. Мы считали, что только по прошествии некоторого времени снимутся следы того первичного психологического шока, который, как правило, сопровождает момент переезда человека в принимающую страну, существенно затрудняя психологическое исследование того, что привычно называют «адаптивными механизмами», или «адаптивными ресурсами», иммигранта. С другой стороны, только со временем могут открыться объективные проявления этих механизмов, или ресурсов. По-видимому, здесь мы имеем дело с достаточно устойчивыми психологическими образованиями, влияние которых сказывается в долгосрочных периодах процесса, обобщенно называемого «вхождение в инокультуру».

Однако собственный опыт консультативной работы с русскими иммигрантами в Канаде одного из авторов статьи дает основание для вывода о том, что за всем разнообразием форм и проявлений «адаптацион-

ного синдрома» можно разглядеть перестройку самих оснований жизненного мира человека. Человека, вынужденного не просто «адаптироваться к новым условиям», обнаружив новое «пространство для жизни», а трансформировать собственное пространство жизни, его ценностно-смысловую наполненность, а может быть, и сами смысложизненные ориентиры.

В классической парадигме выделяются два противостоящих друг другу пространства, одно из которых является субъективной копией другого пространства – объективного, существующего «на самом деле». Субъективное пространство составляет «внутренний мир» человека: «Совокупность следов воздействий окружающего мира образует внутренний мир живого объекта, причем содержательность этого мира определяется уровнем его эволюционного развития. Естественно, что наиболее содержателен внутренний мир человека» [2. С. 14]. В неклассической психологии, со свойственной ей направленностью на преодоление дихотомии внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, на передний план выходят системные конструкты, которые улавливают со-бытие того, что в классике понимается как «противоположности» («смысловые поля», «жизненные пространства», «трансубъективные пространства» и т.д.). «Для неклассической психологии, – пишет А.Г. Асмолов, – мало заявить принцип неразрывности субъекта и объекта. Она превращает принцип конструирования жизни в исходный пункт своего исследования, а само исследование неизбежно рассматривает как проектирование феноменов [1, 5]. Современное развитие общества характеризуется значительными социально-экономическими и политическими изменениями, оказывающими воздействие на все фазы общественного воспроизводства, эволюцию структуры и инфраструктуры национальных и мирового рынков, на взаимоотношения между людьми и между государствами. В постнеклассической психологии, в частности в теории психологических систем как одном из вариантов реализации постнеклассической парадигмы, в качестве общесистемного конструкта выступает индивидуальное ментальное пространство человека.

Мы полагаем, что ментальное пространство человека является таким системным конструктом, который опосредствует взаимосвязь между образом жизни и образом мира человека, являясь при этом таким образованием, через которое система (человек) оказывается открытой как в объективный («вещный») мир, так и в культуру. Образ жизни задает параметры ментального пространства, а оно, обладая ценностно-смысловыми измерениями, в свою очередь, обеспечивает смысловое и ценностное наполнение образа жизни, одновременно обеспечивая избирательное и системное функционирование со-

знания, его содержательный состав в каждый момент реализации присущего человеку образа жизни.

Таким образом, ментальное пространство включает в себя ту часть объективно данной «окружающей среды», элементы которой соответствуют человеку (здесь и теперь), т.е. являются носителями ценностно-смысловых качеств, в которых объективируется соответствие. Оно включает в себя также и поведенческие стереотипы, установки, неразрывно связанные со смыслами и ценностями. Иными словами, изменения, происходящие на полюсе субъекта (динамика образа мира) и на полюсе актуально осуществляющейся системы деятельности (динамика образа жизни), оказываются обусловленными динамикой ментального пространства, которая может инициироваться под воздействием как внешних (в том числе и независимых от человека), так и внутренних («напряженные потребности», «напряженные возможности») факторов. При этом легкость (трудность) перестройки образа мира и образа жизни оказывается напрямую зависимой от тех индивидуальных характеристик ментального пространства человека, которые характеризуют его с динамической стороны. Какие же показатели могут рассматриваться в качестве динамических характеристик ментального пространства человека?

Думается, что эти показатели составляют некую инвариантную основу, которая должна объективироваться в процессах перестройки образа мира и образа жизни человека – независимо от исходных причин этой перестройки и природы ее детерминации, т.е. превалирующей роли внешних или внутренних факторов в инициации перестроечных процессов. Подтверждением этой гипотезы может выступить обнаружение неких инвариантов, которые выделены в процессе психологического анализа случаев резкой трансформации образа жизни людей независимо от того, какие факторы обусловили эту перестройку. Миграция (эмиграция, иммиграция) – только один из примеров резкой трансформации образа жизни. И хотя именно эти примеры являются для нас наиболее интересными, общепсихологический анализ феномена «динамические характеристики ментального пространства человека» может привести к объективации и объяснению этих характеристик только по мере наиболее полного охвата случаев резкой перестройки образа жизни, далеко выходящих за пределы миграционных процессов. Например, перемещение человека в такую социальную или природную среду, в которой совершенно невозможно реализовать привычный образ жизни, может вызвать шок, агрессию, депрессию, невроз и т.д. Иногда мир «переворачивается» сам, например в результате природных или социальных катаклизмов. Про эти случаи пишет Н.А. Логинова: «Те

или иные исторические события и ситуации накладывают свой неповторимый отпечаток на структуру личности и содержание ее сознания. Наиболее отчетливо эта закономерность проявляется при быстрых, резких социально-исторических переменах в обществе типа революции, социальной катастрофы, кризиса. Такие перемены психологами рассматриваются как естественный эксперимент над личностью и изучаются с точки зрения их психологических последствий» [6. С. 5].

В исследовании Ю.В. Ключко рассматривались те психологические проявления, которые сопровождают процесс вхождения человека в новый образ жизни, анализировалась последовательность фаз, которые наиболее типично переживаются людьми при столкновении их с «пограничной ситуацией» – помещение человека в лагерь смерти (по материалам В. Франкла), те психологические коллизии, которые возникают у людей, ведущих обычный образ жизни, когда они вдруг оказываются в пограничной ситуации, узнав о смертельном диагнозе (по материалам анализа деятельности Санкт-Петербургских хосписов), перестройка образа жизни у людей, потерявших очень близкого человека (по материалам Марджори Вайхед), кризисы, связанные с потерей работы (на предмете зарубежных и отечественных исследований по теории стресса), наконец, психологические коллизии, сопровождающие жизнь русской эмиграции в Германии (по материалам Ж.Г. Агеевой). Оказалось, что о механизмах трансформации образа жизни можно судить по тем психологическим проявлениям, которые сопровождают процесс перестройки образа жизни. Более того, эти изменения предстали в виде достаточно устойчивых инвариантов, проявляющихся в столь разнообразных пограничных ситуациях, что позволило оценить это как проявление их внеситуативной обусловленности.

Таким образом, психологические проявления, внешне выступающие как последствия изменения образа жизни, на самом деле отражают содержательный состав тех внутренних механизмов, которые обеспечивают процесс изменения образа жизни. Те явления и вещи, устои и правила, которые определяют особенность новой ситуации, в которой вынужденно оказывается человек, в первый момент лишены для человека смысла и ценности. В соответствии с теорией психологических систем они, в силу этого, не могут оказаться непосредственным содержанием сознания, существуют в виде фона, на котором разворачивается новый образ жизни, но не входят в его содержание. Оторвавшиеся от своих смысловых и ценностных опор, сложившиеся и ставшие фиксированными формы поведения оказываются обесмысленными. Отсюда берет начало шок, ступор, неприятие ситуации и т.д.

Феномен так называемой «готовности к изменению образа жизни» может быть отнесен к числу исковых динамических характеристик ментального пространства человека. В результате исследований иммигрантов, покинувших страны СНГ в последние 4–8 лет, выбравших в качестве страны проживания Канаду и обратившихся за психологической помощью к консультанту, было выявлено, что преобладающее большинство иммигрантов указали в качестве мотивации выезда в Канаду «невозможность полноценной самореализации на родине» (73%), «перспективы для детей» (69%), «улучшение условий и качества жизни» (65%). То есть речь идет о наличии практически у всех членов выборки так называемой миграционной готовности к моменту выезда в Канаду. В исследованиях Р.Р. Ишмухаметова, Д.В. Матиса, Д.Б. Даненовой, Е.Н. Новохатько, затрагивающих психологические аспекты феномена миграционной готовности, было показано следующее:

- миграционная готовность – это новообразование, относящееся к проявлениям самоорганизации человека, которое в содержательном плане представляет собой установку, психологический настрой на добровольное изменение места жительства;

- миграционная готовность возникает у человека на основе противоречий между его образом мира (который включает оценки места проживания и желаемого будущего), с одной стороны, и образом жизни, с другой стороны, переставшими соответствовать друг другу;

- стремление, составляющее суть миграционной готовности, может быть осознанным – это мысли, мечты об изменении места проживания, желания, намерения переехать, конкретные действия, способствующие реализации намерения; оно может быть и слабоосознаваемым и тогда проявляет себя как целостное состояние общей неудовлетворенности местом проживания, вызванное неблагоприятными параметрами жизни в этом регионе, стране или, напротив, привлекательными характеристиками другого региона, страны;

- миграционная готовность – это явление кризисного характера, возникающее в условиях, препятствующих удовлетворению потребности в самореализации, причем характер препятствий может быть самым различным.

Центральное противоречие, порождающее психологические коллизии иммигрантов, заключается в том, что они считают себя внутренне готовыми к изменению образа жизни в новых условиях (даже имеют достаточно конкретную систему ожиданий), но часто не подозревают и не ожидают появления у себя сложнейшей проблемы изменения образа мира, связанной с переоценкой личного ментального пространства, смещения и перестройкой всей системы

ценностно-смысловых оснований собственного бытия. Между тем образ мира и образ жизни есть только различные проявления единого процесса жизненного самоосуществления.

В исследовательскую выборку были включены иммигранты, выехавшие из стран СНГ сравнительно недавно (от 3 до 8 лет назад), т.е. их личностное становление (детство, юность, а для многих и более поздние этапы взросления) проходило в схожих социокультурных условиях одной страны (Советского Союза), т.е. формирование ментальных пространств, осуществлялось посредством взаимодействия с общей культурой в рамках единой образовательной системы. Все исследуемые либо сами обратились к семейному консультанту за психологической помощью, либо являлись членами семьи обратившегося и таким образом оказались вовлеченными в поле профессионального внимания психолога.

Изучение динамических характеристик ментального пространства исследуемых предполагало выявление следующих особенностей:

- построение образа жизни иммигрантами;
- ценностно-смысловых составляющих образа мира;
- проявление системных личностных конструкторов-континуумов «ригидность – гибкость» и «интернальность – экстернальность», «мотивация достижения успеха – избегания неудачи».

На первом этапе исследовались особенности построения образа жизни иммигрантов. В соответствии с целью первого этапа решались следующие задачи: 1) Реконструкция индивидуальных особенностей жизненной ситуации иммигрантов. 2) Выявление специфики субъективной оценки своей жизненной ситуации. 3) Изучение доминирующей модальности («успешности») переживания ситуации изменения образа жизни.

Анализ полученных данных позволил разделить всю исследовательскую выборку на несколько групп, отличающихся друг от друга характерными особенностями построения образа жизни в условиях эмиграции:

- 1) открытые к изменениям, ориентированные на конструктивное, деятельное улучшение своей жизненной ситуации (16% от общего числа выборки);
- 2) деятельные, ищущие варианты, не ориентированные на собственное изменение (28% от общего числа выборки);
- 3) сопротивляющиеся трудностям, ожидающие позитивных перемен от общего числа выборки (39% от общего числа выборки);
- 4) пассивные, находящиеся во внутреннем поиске, закрытые для собственных изменений (17% от общего числа выборки) (табл. 1, 2).

Выявлено, что все исследуемые выборки в той или иной степени пережили или еще продолжают пере-

живать ситуацию «культурного шока», в которой они оказались в связи с эмиграцией. Особенно наглядно демонстрируют пребывание в этом состоянии иммигранты, отнесенные нами к четвертой группе. Процесс «врастания» в новые социокультурные условия, инокультурную среду (а в условиях Канады эта среда оказывается еще и полиинокультурной, поскольку приходится не только жить, но и конкурировать как с канадцами, так и выходцами-иммигрантами из стран Азии и Восточной Европы) обуславливает появление сложных психологических проблем, возникающих на этапах адаптации, денационализации, ассимиляции, интеграции. Особо следует отметить тот факт, что продолжительность проживания в условиях эмиграции оказывает неоднозначное влияние на успешность вхождения мигрантов в новую социальную и культурную среду. В выделенных нами группах, отличающихся особенностями построения своего жизненного пространства (образа жизни), встречаются люди с самым разным сроком пребывания в Канаде (от 3 до 8 лет). Отличия в группах проявляются прежде всего в особенностях жизненной ситуации, специфике субъективной оценки жизненной ситуации, доминирующей модальности переживания ситуации иммиграции.

На втором этапе исследования изучались особенности образа мира иммигрантов с разными стратегиями построения своего образа жизни (методика Д.А. Леонтьева «Предельные смыслы»). Соответственно, были поставлены задачи выявления особенностей ценностно-смысловых составляющих образа мира вынужденных мигрантов и параметров их самосознания, проявляющихся в большем или меньшем осознании себя субъектом, ответственным за качество собственной жизни.

Анализ полученных результатов позволил сделать выводы о ряде характерных особенностей содержания и частоты использования смысловых категорий исследуемых, принадлежащих к разным группам, выделенным нами после первого этапа пилотажного исследования (табл. 3).

Полученные результаты, отражающие наличие специфических для каждого иммигранта узловых и предельных жизненных смыслов, позволили констатировать существование характерных особенностей индивидуального мировоззрения у людей со сходными стратегиями построения образа жизни в условиях вхождения, «вживания» в инокультурную среду. Косвенные данные, подтверждающие этот вывод, были получены с помощью методики «Неоконченные предложения» и теста смысловых ориентаций. Рассматривая полученные в рамках нашего исследования данные об особенностях ценностно-смысловых составляющих образа мира иммигрантов в контексте рассуждений об уровнях самореализации, можно провес-

Таблица 1

Сравнительные результаты доминирующих причин иммиграции

Причина иммиграции	Количество людей, %			
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
Новые возможности	84	—	—	36
Улучшение условий и качества жизни	72	48	68	72
Перспективы для детей	68	68	72	68
Невозможность полноценной самореализации на родине	—	72	84	64
Опасения за безопасность жизни и бизнеса	—	46	36	—
Воссоединение с родными	—	34	—	—

Таблица 2

Сравнительные результаты субъективной оценки жизненной ситуации

Модальность оценки	Количество людей, %			
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
В целом «положительная»	82	50	12	—
В целом «отрицательная»	—	2	8	64
«Амбивалентная»	18	48	80	36

Таблица 3

Сравнительные результаты доминирования типов смысловых категорий

Тип используемых смысловых категорий	Количество людей, %			
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
Децентрированные	36	20	42	8
Интеллектуально-рефлексивные	32	26	8	10
Непосредственно-чувственные	28	38	18	24
Негативные	4	16	32	58

ти аналогии между обнаруженным своеобразием ценностно-смысловых характеристик выделенных групп исследуемых и уровнями самореализации.

Так, испытуемым, объединенным в группу «открытые к изменениям, ориентированные на конструктивное, деятельное улучшение своей жизненной ситуации», скорее свойственны характеристики продуктивно-сверхадаптивного уровня самореализации, а испытуемым четвертой группы «пассивные, находящиеся во внутреннем поиске, закрытые для собственных изменений» – скорее характеристики репродуктивного типа самореализации. Что касается остальных двух групп «деятельные, ищущие варианты, не ориентированные на собственное изменение» и «сопротивляющиеся трудностям, ожидающие позитивных перемен», то у их представителей в разной степени выражено наличие как тех, так и других характерных признаков уровней самореализации, что соответствует представлениям о перманентной сущности становления человека как открытой самоорганизующейся системы.

Исследование системных личностных конструктов, обуславливающих открытость человека как основание эффективности жизнеосуществления (локуса контроля, ригидности – флексибильности, мотивации достижения – избегания неудачи, особенностей самоактуализации), выявило следующие тенденции:

1. Ригидность, являясь тем общесистемным свойством, которое может проявляться в блокировании

выхода человека за пределы жизненных обстоятельств, деятельность в которых предполагает трансформацию фиксированных форм поведения, рассматривается в качестве показателя степени «открытости – закрытости» человека как системы и выступает существенной динамической характеристикой ментального пространства человека. Ригидность личности как свойство, отражающее степень открытости иммигранта, является фактором, обеспечивающим устойчивость представлений о социальном статусе как характеризующем личность по параметру эффективности жизнеосуществления, затрагивая тем самым смысловые основания человеческого бытия. Ригидность личности как состояние, вызванное сменой социокультурной среды, внешне проявляется в форме культурного шока, но со временем перестает быть фактором, дезорганизующим вхождение в новый образ жизни, и сложившиеся стереотипы начинают меняться, компенсируются возможностями самореализации, которые предоставляет новая среда, и реализации ожиданий нового уровня жизни и ее качества.

2. Наличие в разных группах иммигрантов характерного для них своеобразия континуума «интернальность – экстернальность» как конструкта, означающего систему убеждений человека относительно источника собственной активности и определяющего его жизнедеятельность в нем самом (интернальный локус

контроля) или в различных внешних воздействиях окружающей среды (экстернальный локус контроля).

3. Наличие значимых различий в степени выраженности мотивации достижения успеха и избегания неудач в выделенных по особенностям построения образа жизни группах иммигрантов. Выраженность мотивации достижения может катализировать как реализацию возможностей, так и поиск жизненных сфер их реализации. Иммигранты, обладающие мотивацией достижения, осуществляют активный поиск жизненных сфер, в которых можно наиболее успешно реализовать актуальные терминальные ценности; иммигранты, обладающие мотивацией избегания неудач, характеризуются меньшей активностью в поиске жизненных сфер, на что указывают достижения в основном в одной из нескольких жизненных сфер.

Таким образом, было показано, что у иммигрантов, отличающихся особенностями построения образа жизни при вхождении в инокультуру, существуют выраженные характерные особенности ценностно-смысловых составляющих образа мира и системных конструктов, обуславливающих открытость человека как основание эффективности жизнеосуществления. В качестве таких системных личностных конструктов в контексте данного исследования выступили континуумы «ригидность – гибкость», «интернальность – экстернальность», мотивация достижения успеха и избегания неудач. Особенности построения образа жизни иммигрантами, соответствующие им ценностно-смысловые составляющие образа мира, а также специфика проявления системных личностных конструктов могут рассматриваться как динамические характеристики ментального пространства исследуемых. Направленность смещения локуса в континуумах «ригидность – гибкость» и «интернальность – экстернальность» может рассматриваться в качестве фактора, задающего направленность динамики смыслов и ценностей и обуславливающего конструктивное разрешение постоянно воспроизводимого противоречия между новым образом жизни и образом мира.

Отдельный этап исследования был направлен на выявление типологических особенностей готовности иммигрантов к изменению образа жизни и образа мира. Основными исследовательскими приемами на этом этапе были процедуры реконструкции как ситуаций построения испытуемыми своего жизненного пространства в условиях эмиграции, так и специфики ценностно-смысловых составляющих образа мира каждого из них. Соотнесение полученных результатов с данными тестовых срезов позволило определить типологические особенности готовности человека к изменению образа жизни и образа мира как проявления динамических характеристик его ментального пространства.

Выявленные типологические соотношения степени выраженности готовности к изменению образа жизни и готовности к изменению образа мира характеризуются разной степенью легкости (трудности) перестройки многомерного мира человека; уровнем осознания самого себя как субъекта своего образа жизни; сложившейся системой ценностно-смыслового содержания ментального пространства.

Так, для иммигрантов с достаточно выраженными показателями готовности к изменению образа мира и образа жизни характерны оптимистический настрой и конструктивная направленность в организации своего жизненного пространства; наличие желания активно справляться с имеющимися трудностями нового бытия, выстраивать реальные цели как ближайшего, так и отдаленного будущего. Испытывая разную степень удовлетворенности жилищными условиями, материальным благополучием, имеющейся работой, перспективами карьерного и профессионального роста и т.п., все исследуемые этой группы ориентированы на улучшение своей жизненной ситуации в будущем, причем связывают это с собственными усилиями и достижениями членов своей семьи. Имеющиеся у них негативные переживания различных сторон в условиях эмиграции на первых порах, как правило, эти люди оценивают как «продуктивный опыт» построения жизни в новой стране, проявляя активность, открытость к новой ситуации, оценивают прошлые и настоящие трудности как временные, преодолимые. Доминируют смысло-жизненные ориентации на целевые достижения в жизни, ценности саморазвития, самодвижения; процессы смыслообразования характеризуются развернутостью и открытостью. Локус контроля, как правило, смещен к полюсу интернальности, что свидетельствует о выраженном контроле своей жизни, принятии ответственности за все происходящее в ней. Им скорее присущи характеристики гибкости, свидетельствующие о способности человека достаточно легко отказываться от несоответствующих ситуации или задаче средств деятельности, способов поведения, приемов мышления. В целом общей характеристикой иммигрантов, отнесенных к этой группе, можно считать более или менее уравновешенное состояние находящейся в постоянной динамике системы «смысл – тенденция действовать».

Иммигрантам, чья готовность к изменению образа мира можно оценить скорее как достаточно сформировавшуюся, готовность к изменению образа жизни – скорее как несформированную, свойственна интенсивная смыслообразующая деятельность; они отличаются развитыми рефлексивными способностями; для них чрезвычайно важным представляется сохранение собственной индивидуальности, своего «Я», духовный рост. Однако их реальная жизнедеятельность отлича-

ется двойственностью поведенческих и эмоциональных реакций, они как бы существуют в двух параллельных мирах: в прошлом (или будущем) и в настоящем. Они оказываются не способны ассимилировать наличную жизненную ситуацию в конкретных деятельностных актах. В разнообразных смысловых ориентациях у них наименее выраженные смысловые ориентации на целевые достижения в жизни. Они имеют долгосрочные планы, проекты, но их действия, как правило, ситуативны, импульсивны, непродуманны и неэффективны, что сказывается на преобладании негативных тенденций в субъективной оценке своей личной жизненной ситуации.

Можно констатировать (в виде тенденции) смещение локуса контроля у них скорее к полюсу интернальности. Характерной особенностью этой группы иммигрантов является наличие высокой ригидности, что может рассматриваться как свидетельство наличия у этих иммигрантов значительных трудностей как в коррекции программ поведения в целом или ее отдельных элементов в связи с возникающей необходимостью, так и в осознании и последующем принятии необходимости изменений; причем склонность к проявлению ригидных форм поведения в ситуациях стресса, напряжения, утомления сочетается у них с ригидностью как личностной чертой. В целом общей характеристикой иммигрантов, отнесенных к этой группе, можно считать присущее им переживание смысла без тенденции действовать. Складывается впечатление, что вся энергия уходит у них на конструирование смыслов, большая часть которых так и не воплощается в реализацию замыслов.

Иммигранты, у которых большая часть показателей готовности к изменению образа жизни оказалась достаточно выраженной, а показатели готовности к изменению образа мира, напротив, слабо сформированными, – как правило, деятельные люди, активно сопротивляющиеся трудностям и столь же энергично выстраивающие свое жизненное пространство. Локус субъективного контроля, по преимуществу, выраженно смещен у них в сторону экстернальности, что отражает неспособность человека самому управлять изменениями своего жизненного пространства, приписывать ответственность за собственные действия и поступки другим людям, стечению обстоятельств и другим внешним факторам.

Интересно, что среди этой группы иммигрантов встречаются как те, кто уже имеет определенные достижения в новой жизненной ситуации, так и те, кто пока не очень удовлетворен ею, но ожидает позитивных перемен. Внутри группы явно намечена поляризация в отношении к себе – есть те, кому свойственно представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими це-

лями; но есть и значительное количество людей, у кого наблюдается доминирование негативного отношения к себе и своим возможностям над позитивным. У первых имеет место явное преобладание интернальности в области достижений над показателями интернальности в области неудач на фоне общих невысоких показателей интернальности практически по всем шкалам, что свидетельствует о выраженной позиции искать причины неудач по преимуществу в действиях других людей, стечении обстоятельств и других внешних факторах, а причины жизненных успехов в большей степени приписывать собственным заслугам. Вторые обладают выраженной предрасположенностью к тому, чтобы обвинять себя, считать, что причина неудач в них самих, скрытой неуверенностью в себе, своих возможностях; интернальность в области неудач явно доминирует у них над интернальностью в области достижений.

Как правило, иммигранты, отнесенные к этой группе, не считают себя прижившимися в канадской культуре, у них есть много претензий к своему новому окружению, к инокультуре в целом. В беседах с психологом часто педалируют свойственную непохожесть (причем зачастую с негативной оценкой) как местного населения, так и других иммигрантов на «наших людей». Часто фиксируются на тех трудностях, с которыми им приходится сталкиваться и преодолевать с разной степенью успешности. Оценка настоящих условий жизни и деятельности в этой группе скорее амбивалентна: с одной стороны, люди отмечают наличие многих позитивных моментов, которые появились в их жизни после переезда в Канаду, а с другой – достаточно четко ощущается неприятие некоторых сторон новой жизни, нежелание принимать новые правила. У многих из них процесс оформления собственной позиции жителя данной страны протекает на фоне уже определившихся требований и даже претензий к местным властям. Образно можно так охарактеризовать их позицию: «желание, чтобы Канада перестраивалась под меня, а не я под Канаду». Следует заметить, что некоторым удается именно так и организовывать свое жизненное пространство – пытаться «перестроить Канаду под себя».

Кроме того, как правило, при достаточно умеренной, а у некоторых даже низкой личностной ригидности, ригидность в ситуациях стресса, напряжения, утомления резко возрастает. Обращает на себя внимание и тот факт, что в этой группе наблюдается тенденция к выраженной неophobia, некоторому страху перед необходимостью новых собственных изменений.

Обобщая характеристику данной группы, можно говорить о свойственной для нее тенденции действовать без большой опоры на развитые процессы смыслообразования на фоне не очень развитых рефлексивных способностей, что снижает согласование

осознаваемых человеком новых условий жизни с неосознаваемыми (или частично осознаваемыми) жизненными стереотипами и сложившимися (фиксированными) схемами поведения.

Проведенные исследования продемонстрировали, что в динамике ценностей и смыслов отражается механизм подвижности человека, понимаемого в качестве открытой системы, устойчивость которой и определяет эта динамика. Готовность к изменению образа жизни показана как интегративное психологическое образование, которое характеризует способность человека принимать неизбежность и необратимость жизненных потерь, вынужденных изменений значимых условий жизни.

Мы полагаем, что ментальное пространство человека является таким системным конструктом, который опосредствует взаимосвязь между образом жизни и образом мира человека, являясь при этом таким образованием, через которое система (человек) оказывается открытой как в объективный (вещный) мир, так и в культуру. При этом легкость (трудность) перестройки образа мира и образа жизни оказывается напрямую зависимой от тех индивидуальных характеристик ментального пространства человека, которые характеризуют его с динамической стороны.

Проведенный анализ показал, что каковыми бы ни были исходные основания для перестройки образа жизни, динамические характеристики ментального пространства человека предстают в виде достаточно устойчивых инвариантов, которые, будучи сугубо индивидуальными, имеют внеситуативную обусловленность. К числу таких характеристик можно отнести готовность к изменению образа жизни, ценностно-смысловые измерения жизненного про-

странства человека, образ себя как субъекта активности (локус контроля) и возможности расширения жизненного пространства как пространства самореализации, устойчивость поведенческих стереотипов (ригидность).

По отношению к нашей проблеме можно сформулировать следующую дефиницию. Человек, сменивший привычную культурную среду, въезжает в новое по своим основным характеристикам ментальное пространство принимающей страны со своим устоявшимся индивидуальным ментальным пространством. И если это пространство оказывается малоподвижным, инертным, ригидным, то можно предполагать, что выраженный «культурный шок» – это то неизбежное, что ожидает иммигранта.

В условиях реальной психоконсультативной практики были апробированы возможности оказания психологической помощи при перестройке ментального пространства иммигрантов на разных этапах вхождения в инокультуру. Показано, что такая помощь будет эффективной в том случае, если будет предоставлять клиентам, остро переживающим на этапе вхождения в инокультурную среду рассогласование, противоречие в системе «образ жизни – образ мира», возможности для трансформации своего ментального пространства. Понимая соотношение «образ жизни – образ мира» как динамический фактор, отражающий трансформацию ментального пространства иммигранта, консультант может выстраивать индивидуальную стратегию движения клиента к актам объективации в сознании происходящих изменений, которые, в свою очередь, требуют коррекции форм поведения, перестройки ценностно-смысловых составляющих образа мира.

Литература

1. Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 3–12.
2. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). Москва; Воронеж: МПСИ, НПО «Модэк», 2004. 294 с.
3. Дилигенский Г.Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 7.
4. Задорожный Г.В., Радченко Я.Ю. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания // Социальная экономика. 2003. № 4.
5. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999. С. 303.
6. Логинова Н.А. Жизненный путь и социальное мышление личности в контексте исторического времени // Вестник КазГУ им. Аль-Фараби. Сер. философия, политология, психология, социология. Алматы, 1999. № 8–9. С. 5–11.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1961.
8. Уэбстер Фрэнк. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.
9. Drucker, Peter F. Post-Capitalist Society. N. Y.: Harper Collins, 1993.
10. Reich Robert B. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. N. Y.: Vintage, 1993.

PECULIARITIES OF DYNAMIC DESCRIPTIONS OF IMMIGRANT'S MENTAL SPACE

O.M. Krasnorjadtseva (Toms), T.G. Khodjabaguiants (Toronto)

Summary. Research approach to showing up some typological differences of dynamic descriptions of mental space in the process of the entering the foreign language and culture conditions are discussed in the article. Mechanisms of forming readiness to change the way of life and image of the world are studied in the article.

Key words: mental space, dynamic descriptions, readiness to change the way of life and image of the world.